

Научная статья
УДК 821.512
doi: 10.17223/24099554/24/13

Историческая темпоральность и чувашский национализм в поэзии М. Сеспеля

Максим Валерьевич Кирчанов

*Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия,
maksym_kyrchanoff@hotmail.com*

Аннотация. Автор анализирует тексты Сеспеля Мишши как основоположника современной чувашской поэзии через призму воображения и изобретения исторического времени и темпоральности. Предполагается, что поэт создал уникальную концепцию исторического времени, редуцирующую темпоральность до политической и идеологически актуальной современности, основанной на революционном опыте.

Ключевые слова: Сеспель Мишши, чувашская литература, чувашский национализм, историческое время, историческая темпоральность, ситуация «накануне», феномен «межвременья», темпоральные фронтиры

Для цитирования: Кирчанов М.В. Историческая темпоральность и чувашский национализм в поэзии М. Сеспеля // Имагология и компаративистика. 2025. № 24. С. 272–295. doi: 10.17223/24099554/24/13

Original article
doi: 10.17223/24099554/24/13

Historical temporality and Chuvash nationalism in the poetry of Mišši Śěspěl

---

Maksym W. Kyrchanoff

*Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation,
maksym_kyrchanoff@hotmail.com*

Abstract. The author analyzes the texts of Mišši Śěspěl (Mikhail Sespel), the founder of modern Chuvash poetry, through the lens of the imagination and invention of historical time and temporality. The article aims to analyze the concept "historical time" and the perception of historical temporality within

Chuvash literature. The author examines both the poetic and prose legacy of Mišši Šešpěl. Utilizing the methodological toolkit proposed by intellectual history and nationalism studies – including the concept of the invention of traditions – the author analyzes the images of historical time and temporality in Mišši Šešpěl's poetry. In the article, the author: (1) studies the specific features of how historical time is perceived in Mišši Šešpěl's poetic and prose texts; (2) identifies and analyzes the systemic characteristics of understanding historical temporality in the modern Chuvash intellectual discourse; (3) examines the role of socialist realism as one particular form of modernist visions and interpretations of culture, serving as a model for inventing historical time. The features of perceiving, imagining, and inventing historical time and historical temporality in Mišši Šešpěl's poetry are studied. Particular attention is paid to analyzing the perception of revolution as a factor accelerating the passage of historical time. The author posits that Mišši Šešpěl not only became the creator of modern Chuvash literature but also proposed modes for understanding and interpreting regimes of historical temporality, forming a new, modern vision of historical time as national, imagined within Soviet communist and Chuvash ethnic frames of reference. The article demonstrates that the logic of understanding modernity in Mišši Šešpěl's texts was based on perceiving the present historical time as a transitional historical and chronological frontier between the past and a nationalistically imagined future. This vision of time can be defined as ideologically utilitarian. The author shows that this ideological utilitarianism was combined with nationalist ideology. Consequently, the analysis focuses on how historical time and the regime of temporality were constructed within an ethnic frame of reference. The author believes that Mišši Šešpěl "Chuvashized" conceptions of Chuvash time, transforming the Chuvash language and ethnicity into systemic characteristics of historical time. The author argues that not merely duration, but the "surmountability" of time – its reduction to a prehistory leading to a politically and ideologically correct future – became central categories in the perception of historical time in Mišši Šešpěl's texts. It is suggested that Mišši Šešpěl created a unique concept of historical time that reduces temporality to a politically and ideologically relevant present, founded on revolutionary experience. The author demonstrates how Mišši Šešpěl became the creator of a new, radical, revolutionary vision of historical time, emphasizing that his poetic legacy was canonized within Soviet ideological discourse, becoming a boundary in the understanding of historical temporality, as Soviet Chuvash literature and a new historical time began precisely with the works of Mišši Šešpěl.

Keywords: Mišši Šešpěl, Chuvash literature, Chuvash nationalism, historical time, historical temporality, situation "on the eve", phenomenon of "inter-time", temporal frontiers

For citation: Kyrchanoff, M.W. (2025) Historical temporality and Chuvash nationalism in the poetry of Mišši Šešpěl. *Imagologiya i komparativistika* –

Введение

Понятие «историческое время» в современной постмодернистской историографии принадлежит к числу центральных категорий. Принимая во внимание междисциплинарность как основное и системное качество гуманитарных наук, концепция «исторического времени» начиная с 1980-х гг. регулярно подвергалась пересмотру, что привело к эрозии самого этого понятия, размыванию границ концепта и наделению и наполнению исторического времени новыми смыслами, которые ранее были ему не свойственны.

В подобной ситуации из исторической науки фактически исчезают более ранние представления о цельности и неразрывности, поступательности всемирного исторического процесса, об историческом детерминизме и возможности рассматривать исторические этапы в истории отдельных государств через призму взаимозависимости в рамках всемирной истории. Историческое время в условиях доминирования постмодернистской историографии фактически оказывается подвергнутым деконструкции и подвергается вытеснению из предметного поля современной истории. В такой ситуации историческое время становится объектом изучения целого ряда смежных гуманитарных наук – истории, исторической антропологии, социальной и культурной антропологии, культуральной истории, интеллектуальной истории, археологии идей и философии истории.

Понятие «историческое время» утрачивает критерии объективности, превращаясь в один из многочисленных историографических конструктов, а использование самого термина вводит его в число изобретенных традиций современной историографии, содействуя деконструкции исторического времени как такового. В такой ситуации становится не только возможным, но и нормальным писать о «долгом 19 веке» и о «коротком 20 веке», транслируя аналогичные категории воображаемой продолжительности или не менее условной кратковременности и на другие исторические этапы. Поэтому концепты, ранее закрепленные за конкретными периодами истории, оказываются сдвинутыми за те исторические и хронологические границы, в которых

они локализовались ранее историками, мыслившими в категориях историзма и позитивизма.

Не является исключением из этой универсальной логики развития современной междисциплинарной историографии и историческая наука в России, сфокусированная на изучение миноритарных и региональных национализмов. Важнейшим источником для анализа представлений об историческом времени в частности или исторической темпоральности в более широкой перспективе становятся национальные литературы народов Российской Федерации.

Одной из таких литератур является чувашская. Создатель современной (модерной) чувашской литературы Михаил Сеспель и его исторические преемники и продолжатели внесли существенный вклад в формирование в рамках ими же создаваемой чувашской национальной идентичности собственных уникальных представлений как об историческом времени в частности, так и об исторической темпоральности в более широкой культурной и социальной перспективе.

Цель и задачи

В центре авторского внимания в представленной статье – проблема восприятия исторического времени и связанной с ней исторической темпоральности в текстах, с одной стороны, Михаила Сеспеля, а с другой – представленность этих моментов в более широком дискурсе чувашской литературы, что, правда, потребует проведения необходимых параллелей с другими национальными литературами, стимулируя еще больше размывание исторического времени, предопределяя деконструкцию самого понятия темпоральности из национальных культурных контекстов.

Целью статьи является анализ понятия исторического времени через призму исторической темпоральности в чувашской литературе. В число задач автора входит: 1) изучение особенностей восприятия исторического времени в поэтических и прозаических текстах Михаила Сеспеля, 2) выявление основных системных характеристик понимания и осознания исторической темпоральности в чувашском интеллектуальном дискурсе модерна и постмодерна, а также социалистического реализма как одной из частных форм модернистских видений и

интерпретаций культуры и 3) анализ перспектив изучения исторического времени и темпоральности в национальных культурах через призму чувашского культурного опыта.

Методология

Методологически представленная статья основана на достижениях современной междисциплинарной историографии, постмодернистских подходов в описании прошлого. Поэтому сама категория «исторического времени» воспринимается как конструкт интеллектуалов, которые занимались подобными культурными, поэтическими и прозаическими литературными практиками, формировавших представления об исторической темпоральности.

Кроме этого, анализируя понятия «исторического времени» и «исторической темпоральности», автор склонен указывать на важность подходов, предложенных в ревизионистской и конструктивистской историографии, которые позволяют воспринимать исторические явления не более как культурные, социально и политически мотивированные конструкты с последующей их деконструкцией и исключением из общеисторического контекста. Рассматривая образы исторической темпоральности в чувашском интеллектуальном дискурсе, автор считает необходимым интегрировать в национальный контекст достижения историографии, сфокусированной на изучение изменения режима темпоральности всемирной истории.

Понятие «историческое время» может быть проанализировано с помощью тех теоретических подходов, которые сложились в рамках интеллектуальной истории, археологии идей и истории идей, позволяющих деконструировать или конструировать представления чувашских интеллектуалов о прошлом как об исторической времени с использованием различных режимов темпоральности, т.е. политически и идеологически мотивированных подходов к самому описанию как исторического процесса в целом, так и исторического времени в частности.

Историческое время М. Сеспеля

Темпоральность – ключевая характеристика истории, так как «история есть, прежде всего, временность (темпоральность), события в своей протяженности и длительности. Мы склонны ассоциировать временность с линейной последовательностью, а потому история представляется нам как движение в видимом направлении. Однако в действительности... следует говорить об историчности как определенном смысле существования в социальном мире, подверженном непрерывным изменениям» [1. С. 11]. Именно в таких координатах конструировались образы исторического времени [2] в литературном дискурсе М. Сеспеля, который не просто соотносил ход исторического времени с линейностью истории, но и наделял темпоральность смыслами и значениями – не столько философскими, сколько политическими и идеологическими, что подчиняло логику исторического времени логике как российской революции, так и чувашского национализма [3].

Первые образы исторического времени как переходного представлены в ранней поэзии Сеспеля Мишши. Например, уже в 1916 г. он был вынужден констатировать, что «чăвашсемшĕн пит асан самана пуçланчĕ» [4], т.е. «началось очень тяжелое время для чувашского народа», хотя в такой версии исторической темпоральности прошлое как условно завершенное историческое время конструировалось через призму принуждения и насилия:

Килĕшÿллĕ пурнăçшăн,
Тÿрĕлĕхе тупасшăн
Тăшманпала вăрçрĕçĕ,
Савăнас чух вилчĕçĕ [5]

С мечтою жить в согласии,
Найти справедливость
С врагом они сражались,
Вместо радости увидели смерть

В подобной ситуации Сеспель Мишши не только следовал этой парадигме формально, но фактически заложил основы восприятия исторического времени в чувашской идентичности, в рамках которого прошлое и настоящее воспринимались исключительно в контекстах трудностей как характеристик переходности, воспринимаемой в качестве системной характеристики темпоральности.

Такая логика понимания современности была в значительной степени основана на восприятии настоящего исторического времени как «асинхронного и не равного самому себе, что может расслаиваться на целое множество не современных друг другу темпоральных порядков» [6], которые и были актуализированы в текстах М. Сеспеля, особенно в прозе. Например, рассказ «Върман ачисем» («Дети леса») основан на параллельном сосуществовании как минимум трех режимов темпоральности – модернизирующегося русского настоящего, чувашского прошлого, но незавершённого исторического, и чувашского будущего неопределённого исторического времени.

Революционная темпоральность в поэзии М. Сеспеля

В нарративе М. Сеспеля второй половины 1910-х гг. настоящее конструировалось как исключительно временная категория, которая, с одной стороны, является антиподом прошлого [7], а с другой – характеризуется всеобщим кризисом, включающим материальные страдания («выслăх йĕтрĕ ялсене ачасем те хăрăк» – «голод разорил деревни и дети бедны»), кризис веры («пулăшмарĕ турă» – «бог не помогает» [8]). В целом восприятие времени подчинено ожиданию нового, перемен, которые воспринимаются исключительно положительно:

халăх кум пек ҫĕкленет тăвăллăн,
хаяррăн; таса мар патша йăхне час
юхтапса ярĕ час хĕвелĕмĕр ҫўлте
сурхилле вутланĕ тырă-пулă уй-хтрте
савăнса хумханĕ [8]

народ восстает, как буря, яростно;
нечистый царский род скоро будет
сметен, скоро наше солнце будет го-
реть весной на небе, и на полях бу-
дет радость

Спустя несколько лет восприятие исторического времени Сеспелем изменится, и в его текстах будет фиксироваться иная модель темпоральности, символом которой станет «Ирĕклĕх, хĕрлĕ ялав», т.е. «свобода и алое знамя» [9]. Такая модель нации была основана на синтезе идеологического, национального и культурного, актуализируя такие качества исторического времени, как утопичность и фантастичность. В рамках такой модели поэтического воображения настоящее предстает не более как предыстория будущего, что актуализирует та-

кое качество исторического времени, как переходность, а историческая темпоральность оказывается текущим состоянием, «текучей современностью» между однозначно отрицательно воспринимаемым прошлым и идеализируемым будущим:

Вăхăт ситĕ, вăхăт пулĕ: сĕн йĕрке
килсен, юхмĕ, юхмĕ тек куçсĕлĕ
пурнăç хĕсĕкрен! Сĕнĕ пурăнăç
хĕвелĕ сунĕ сутутса [10]

Придет время, настанет время, когда
придет новый порядок, люди не бу-
дут плакать от недоли в жизни!
Солнце новой жизни будет светить.

В этом контексте Сеспель создал такую концепцию исторического времени, в рамках которой темпоральность в большей степени часть не истории, но современности, генетически вытекающей из революционного опыта. Формирование такого видения истории совпало с процессами советизации чувашского культурного пространства [11]. Такое будущее могло конструироваться в категориях будущего чувашского мира [12], а новая темпоральность воспринималась в национальной системе координат, о чем, например, свидетельствует небольшое эссе Сеспеля Мишши «Чувашское слово», проникнутое политически и идеологически мотивированными видениями будущего как национального футурума:

Вăхăт ситĕ. Чăваш чĕлхи те тимĕр
татĕ. Хĕртнĕ хурçă пек пулĕ. Вăхăт
ситĕ, чăваш юрри те илтĕнсе кайĕ.
Таса пĕлĕте, суг тĕнчене, хĕрлĕ
хĕвеле савса юрлĕ вăл. Чăваш юр-
ринче таса пĕлĕт сумĕнчи тăри юрри
илтĕнĕ. Чăваш юрринче тинĕс хумĕ
шавлĕ, вăрман чашлĕ, вĕçĕ-хĕррисĕр
улăхсем симĕсленсе выртĕç. Авалхи
хуйхă сасси илтĕнĕ, телей куç умне
тăрĕ. Атăл хĕрри тăрăх тĕнче кĕсле
сассипе янраса тăрĕ, сакă чăваш
юрри пулĕ... Вăхăт ситĕ! Вăхăт ситĕ!
[13]

Еще настанет время. И чувашский
язык станет прочнее железа. Станет
сталью закаленной. Еще настанет
время, и чувашская песня зазвонит.
Небосвод ясный, свет белый, солнце
красное с любовью прославятся в ней.
Трелью жаворонка в лазурном подне-
бесье зазвонит чувашская песня. Шум
прибоя, шелест леса, зелень бескрай-
них лугов отразятся в чувашской
песне. Стон давних страданий доне-
сется до слуха, свет счастья откроется
взору. Звоном гуслей наполнится
окрест над Волгой, – это и будет чу-
вашская песня. ...Настанет время!
Настанет время!

При таком видении будущего как новой формы исторической темпоральности в рамках чувашского интеллектуального и культурного

дискурса имело место одновременно «открытие истории» как самостоятельной категории чувашского коллективного и исторического опыта, и «укрощение времени» [14], что проявилось в локализации последнего в новой формировавшейся культурной модели, основанной на сочетании идей революционности и идеологии [15]. Предчувствие будущей свободы – центральная категория в восприятии и изобретении исторической темпоральности в поэзии Сеспеля Мишши. Если для современных теорий исторического времени характерна тенденция «видеть только свое отражение, а в будущем не нуждается во все, потому что научилась его неплохо прогнозировать» [16], то историческая темпоральность эпохи М. Сеспеля явно относилась к категории будущего неопределенного времени.

Вместе с тем переход к новому времени в поэтическом воображении Сеспеля сопровождается пониманием того, что за новый мир, основанный на свободе, не только следует заплатить, но и фактически заплатили другие:

Хирте пёр тёмеске пёр-пёччен...
Ырă сырни вилнĕ вăрçара...
Çĕнĕ пурнăçа.
Сыхласа вилнĕ вăл – çапăçса.
Чухăнсемшĕн хайĕн кун-çулне...
Коммунизм хёрлĕ ялавне...
Канлĕ пултăр нĕрĕ вырăну!..
[16. С. 64]

Одинокий холм в поле...
Хороший человек погиб на войне...
К новой жизни.
Он погиб в бою.
Он отдал свою жизнь за бедных...
Красный флаг коммунизма...
Покойся с миром!

Современность в поэтическом воображении Сеспеля воспринимается как условное настоящее историческое время, как переходный этап, транзитная форма исторической темпоральности, которая фактически представляет собой ускоренный и форсированный переход из прошлого исторического времени в будущее.

Современность как прошедшее, завершённое в исторической темпоральности М. Сеспеля

Подобно тому, как «формальное подчинение темпоральности авангарда темпоральности модерна, которое осуществляют художествен-

ные институты в капиталистических обществах, с самого начала сопровождалось навязчивым пространственным кодированием в терминах столичных, национальных или региональных территориальных форм» [18], так и в чувашском культурном дискурсе, который не только был институционализирован М. Сеспелем, но и начал активно воспроизводить концепты идентичности [19], темпоральность традиционности оказывается не в состоянии конкурировать с историческим временем революции, которая создавала и институционализировала новую реальность. Такой темпоральный транзит представляется как время кризиса:

Вилесем урлă, шăм куписем синче
Хёвеллĕ ыран енне
Кёпер чёнтёрлёр [20]

Сквозь трупы, по грудам костей
К солнечному завтра
Постройте мост

Поэтому настоящее и современность воспринимаются не более как переходный этап к тому времени, когда «сүт тёнче сүталё, сёнелсе лăпланё. ирĕклĕхшĕн вилнĕ тăвансенĕн юнĕ» («свет будет сиять, когда кровь братьев погибших за свободу прольется» [20. С. 62]), а «тантăшлăх, тăванлăх, юрату кăварĕ» [20. С. 62] («дружба, братство, любовь») станут доминантами в развитии общества. Историческое время редуцируется Сеспелем до социальных предпосылок национального будущего:

Тёп Чăваш пурнăçĕ пуçланса кайĕ,
йĕри-тавра чăваш чĕлхи анчах
илтĕнĕ. Чăваш хулисенче ирĕклĕ
чăвашсем, кăткăсем пек тăрăшса,
хăйсене епле аван савăн пек,
вырăссене хĕсĕрлеме памасăр,
канлĕн ёслĕс. Чиркўсенче хамăр
чĕлхепе турра кĕлтуса савăнса
юрлăпăр... Тин вара сунса, ялкăшса
чăвашан кĕтнĕ Хёвелĕ тухĕ те
Чăваш сĕрне, нумай асап курнă сĕре,
хăй сугипе ачашласа, сүтатса ярĕ!
[21]

Начнется основная чувашская жизнь,
и только чувашский язык будет слы-
шен вокруг. В чувашских городах
свободные чуваша будут трудиться
спокойно, стараясь, как муравьи, им
будет хорошо, так как не будут они
давать русским притеснять себя. В
церквях будем петь молитвы на своем
языке... И вот, наконец, загорится,
вспыхнет долгожданное чувашское
солнце и осветит, лаская своим све-
том многострадальную чувашскую
землю!

В такой системе координат не только начинается процесс «распада событийной истории» [23], но и само историческое время не просто описывает состояние, определяемое как «накануне», но и фактически обретает качества национальной утопии. Несмотря на то, что «история настолько тесно ассоциируется с прошлым, что нередко выступает его синонимом» [6. С. 1], литературный опыт миноритарных национализмов в России подчеркивает, что историческое время в националистическом воображении не всегда означало прошедшее и завершённое время, так как могло иметь устойчивые коннотации с идеями национального будущего [24]. Поэтому манипуляции с исторической темпоральностью в текстах Сеспеля привели к тому, что история перестала быть частью хронологии, которая конструируется в категориях прошлого.

В такой ситуации историки были обречены на то, чтобы утратить контроль над прошлым, передав его «в обладание к тем, кто распоряжается памятью» [16]. Таким образом, тексты Сеспеля, с одной стороны, и траектория его творчества – с другой, привели к тому, что наследие поэта оказалось изъято из контекста истории, став частью памяти. Современность в поэтическом воображении Сеспеля, которое постепенно становилось политическим, воспринимается как прелюдия к будущей национальной истории, к «хёвел сёршывё» («Стране солнца») [24] и к «Сён Кун» («Новому дню») [25] как интегрированному символу будущего, когда «таван чёлхене пёрлешсе юлар» [26. С. 76], т.е. основой консолидации нации станет язык. «Чăваш чĕлхи» становится центральным образом в восприятии этнически маркированного исторического времени в поэзии Сеспеля, в которой историческое время становится в большей степени не прошлым, но будущим, так как последнее ассоциируется с рассветом языка:

чăвашан чĕлхи чапĕ пулĕ,
тапри шинче ярĕ ирĕклĕх юрри [27]

славен будет чувашский язык,
песня свободы будет звучать

Такое видение исторического времени интегрировано в контексты будущей массовости, так как отмечено предчувствием не только ускорения истории, но и ее унификации:

Кăвар чĕрем - пин сын чĕри
Эп пĕр сын мар - эп хам пин-пин

Мое огненное сердце – сердце тысяч
Я не один человек, меня тысячи

Эп пин чăваш, эп пин-пин сын!
Чĕрем юрри - пин сын юрри» [28]

Я тысяча чувашей, я тысяча людей!
Песня сердца – песня тысяч.

Такое восприятие времени в целом соотносилось с интеллектуальными тенденциями чувашского общества периода революции. В чувашской периодике появлялись тексты, авторы которых синтезировали революционную риторику с собственными видениями будущего:

Раçсей революци тапраннипеле
Сан пуçунта вĕри шухăш вĕретчĕ!
Чăвашан малашне пулас кунсене
Вут сунатлă сăмрăк шухăшсемпеле
Ху уманта пăхса курса тăратăн»
[29]

Началась российская революция
В голове у тебя пламенные мысли кипели!
Грядущие дни чуваша
Огненнокрылыми юными мыслями
Пред собою ты видел.

В целом доминирование именно такой риторики в поэтическом дискурсе, вероятно, свидетельствует об изменении восприятия самого режима исторического времени, центральными категориями которого становятся не просто продолжительность, но преодолимость времени, его редукция до предыстории будущего [31], конструируемого также через призму идеологии, но в национальной системе координат, которая оказалась интегрированной в национальную утопию [32].

Современность как настоящее национальное

Кроме этого, в такой исторической темпоральности фактически актуализируется идея национальной антропологии, чувашского человека, приход которого предвосхищал поэт, полагая, что тот не только придет с «Кăвар чĕре! Кăвар чĕлхеллĕ» («Горящим сердцем! Горящим языком») [32. С. 98], но и его взгляд будет устремлен в будущее – «кусна тĕлле хĕвел сине» («направьте глаза на солнце») [33]. Подобный режим темпоральности, с одной стороны, воспринимается через призму депрессивности [34], вызванной разрывом и дискретностью между двумя режимами исторического времени:

Вăхăт – ачашлăх вăхăч мар
Ăш юрă вăхăчĕ кайра
Малта хĕвел
Ку вăхăт – вилĕм вăхăчĕ
[19. С. 166–169]

Не время для нежностей
Время песен осталось позади
Солнце впереди
Это время смерти.

С другой стороны, историческое время, конструируемое Сеспелем, через призму будущего воспринимается как время чувашского языка, когда «Чăваш чĕлхи хăватлăлантăр» («чувашский язык станет сильнее») [35. С. 94–97]:

Вăхăт ситĕ – Чăваш сĕрĕн

Кăмăллă чĕлхи

Чаплă пулĕ, – вăлах пулĕ

Самраĕк чун пахи [36. С. 110–115]

Придет время, ласковый чувашский
язык станет великим, он станет цен-
ностью молодой души

Сеспель, ожидая приход нового человека, призывал

Часрах килсе хăватлăх кĕртчĕ

Чăвашăн капăр чĕлхин

Сунтартăр сұламлă, кăварлă

Чĕлху сынсен чĕрисене [32. С. 98]

Пусть он придет скорей и даст силы

Прекрасному чувашскому языку

Который горит огнем

Пусть язык горит в сердцах людей.

Такая версия исторического времени в текстах М. Сеспеля фактически функционировала как множественная, представленная одновременным и параллельным (со)развитием и (со)протеканием нескольких прошлых и настоящих, в разной степени, завершенных времен, так как поэт оказался в уникальной ситуации одновременного протекания исторического времени как «накануне», так и «между».

Поэтому «существование множества исторических времен или, выражаясь феноменологически, множества темпоральностей» [37. С. 98] становится ключевой характеристикой сеспелевского дискурса. В историческом воображении М. Сеспеля существует не одно время, а множественность различных исторических времен. Более того, эта множественность, в свою очередь, является двойственной. Поэтому такую модель исторической темпоральности мы можем видеть одновременно синхронически и диахронически [38]. Поэтому наследие М. Сеспеля, вероятно, представляет пример «многослойного или множественного исторического времени, допускающие сосуществование разнородных темпоральных режимов внутри той крайне неустойчивой их конstellляции» [39. С. 8], определяемой как поэтом, так и его современниками как «революция», которая могла интерпретироваться через призму не современности, но футурума, что в определенной степени сближало восприятие исторического времени в текстах

М. Сеспеля с последующим фантастическим дискурсом [40]. Поэтому революция 1917 г. фактически для российских интеллектуалов и представителей миноритарных групп доказала, что «формирование будущего – это задача человека. История больше не была чем-то, что находится за пределами людей в форме божественной силы, судьбы, воли и пророчества. Революция больше не была естественным и временным циклом, став жестоким разрывом прошлого в неизвестное будущее, которое будет контролироваться человеческим вмешательством» [41]. Именно поэтому революция в ходе своей реализации привела к кризису и разрушению исторического хронотопа, что «мешает нам с уверенностью определить, что относится к “нашему времени”, а что нет» [42. С. 70].

Национализация исторической темпоральности

В такой ситуации историческое время превращается в современность – эпоху путешествия нации из прошлого в будущее – когда «эпир халь Хёрлэ тинёсре Коммуна сёрнелле ишетпёр» («мы плывем в страну Коммун по Красному морю») [43. С. 78–81]. Последняя станет результатом радикального ускорения темпов протекания исторического времени, в рамках которого

Сёр сунса сёрнелсен
Сёр суне мал енчен
Сёрне сян сёрсеме ситтёри
[44. С. 110–115]

земля горит,
огнем земля обновится,
придет новая заря.

Аналогичные мотивы были характерны и для прозы М. Сеспеля, в частности, для рассказа «Върман ачисем» («Дети леса») [46], где историческая темпоральность ограничивается двумя доминантами в развитии исторического времени – ускорением протекания социального времени чувашского общества, с одной стороны, и разрушением традиционных устоев последнего – с другой.

Если для современных историков характерно стремление «надевать прошлое статусом самостоятельного и существующего помимо их воли объекта познания, так как они отчетливо видят его практическую нерелевантность для настоящих и будущих поколений» [46], то

М. Сеспель, наоборот, фиксировал эту историческую темпоральность как политически актуальную современность. В такой ситуации кризис и эрозия традиций, их релокализация из современности в прошлое сопровождается верой в то, что «чăваш та вăранĕ» («чуваш проснется» [47]), т.е. уверенностью в том, что историческое время чувашской нации – будущее время.

Российская модернизация в тексте превращается в стимул, который ускоряет естественный ход истории архаичного и традиционного общества, представители которого оказываются жертвой ускорения исторического времени, так как не в состоянии адаптироваться к переменам, конкурируя с русскими как сообществом, заинтересованным в демонтаже традиций и установлении нового режима исторической темпоральности. По мнению российского историка А. Олейникова, «идея онтологической несовместимости прошлого и настоящего не является непременным атрибутом исторического сознания и характеризует только профессиональную историографию XIX–XX веков» [48], а истоки такого восприятия исторического времени, в основе которого лежит понимание исторической темпоральности как множественной, могут быть локализованы в литературных практиках миноритарных национализмов, в том числе и чувашского.

М. Сеспель и начало нового исторического времени

Подобное восприятие исторического времени в поэзии М. Сеспеля имело принципиальное значение для последующей чувашской интеллектуальной традиции. Радикальное восприятие исторического времени, основанное на деконструкции прошлого и утверждении исторической темпоральности, воображенной в категориях национального будущего, частично было трансплантировано в литературную критику последующего периода, в центре внимания которой оказалось наследие поэта. Поэтому деятельность Сеспеля, хронологически совпавшая с радикальными революционными переменами, была воспринята как центральная в новой исторической темпоральности, будучи определённой в качестве начальной точки в истории чувашской советской поэзии.

Именно творчество М. Сеспеля было объявлено началом чувашской советской литературы, а сам поэт – «основоположником чувашской советской поэзии» [49. С. 5], «зачинателем чувашской советской литературы» [50. С. 17]. Деление исторического времени и режимов исторической темпоральности на «до» и «после» М. Сеспеля в чувашском интеллектуальном дискурсе советского времени стало следствием трансплантации общесоюзной схемы, основанной на восприятии 1917 г. как поворотного момента в историческом процессе. Применение именно такой модели хронологии и картирования исторического времени чувашскими историками стало фактически следствием «институционализации исторического знания и формирования линейной темпоральности классического историзма» [39. С. 5], который в советских историографических реалиях был в большей степени идеологическим конструктом и изобретенной традицией политической культуры.

Выводы

Хронологически творчество Сеспеля Мишши в истории чувашской литературы занимает период не более пяти лет, который совпал с событиями российской революции, приведшей к институционализации новой системы. Последняя имела двойственный характер. С одной стороны, с точки зрения формальной хронологии она разделила восприятие исторического времени на постимперском пространстве на предшествующее и наследующее революции. С другой – в политическом плане она привела к появлению новой системы, которая инициировала процессы ускоренной и форсированной модернизации, в том числе – и чувашского общества. В такой ситуации восприятие исторического времени в текстах Сеспеля Мишши оказалось подчинено ускоряющимся темпам социальных, культурных и политических изменений, которые начали проявляться в чувашском социуме. Поэтому время воспринималось через призму революции и социально-экономических изменений, которые запустили советскую модель политической идентичности чувашской нации.

Непродолжительная творческая активность Сеспеля Мишши привела к национализации концептов исторического времени, начавшего

восприниматься в чувашской этнической и формирующейся национальной системе координат. Историческое время с точки зрения хронологии и темпоральности оказалось разделенным на две большие продолжительности – прошлое и будущее. Настоящее в такой системе координат воспринималось как переходный этап от архаичного режима предшествующей социальной и исторической темпоральности, за которой следовало будущее – принципиально иная и другая темпоральность, изобретаемая и воображаемая в национальной и этнической системе координат. Поэтому в условиях ускорения исторического времени восприятие революции и исторического времени, которое понималась через призму последней, было подчинено логике национального футурума, постепенно обретавшего черты национальной и этнической утопии.

Центральной характеристикой восприятия исторической темпоральности в наследии Сеспеля Мишши стала актуализация состояния «накануне» как системного качества, которое подчеркивало переходность и транзитивность между двумя различными режимами исторической, социальной и политической темпоральности. Если первый режим темпоральности воспринимался в категориях прошедшего завершённого времени, ассоциируясь с Российской империей, то второй – с неопределённым будущим, которое воображалось в преимущественно идеологической системе координат. Последняя давала чувашским интеллектуалам возможность конструировать историческое время в рамках новой темпоральности через призму национализма, который соотносился с различными формами и проявлениями культурной активности последующих поколений чувашской интеллигенции, попытки которой сформировать свое собственное видение и понимание как режимов исторической темпоральности, так и исторического времени должны стать объектом отдельных и самостоятельных исследований.

Список источников

1. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2005. 528 с.
2. Kyrchanoff M.W. Imagining Chuvash historical time: historical continuities and intellectual failures // *Tractus Aevorum: The Evolution of Socio-Cultural and Political Spaces*. 2017. Vol. 4, № 2. P. 134–155.

3. *Kyrchanoff M.W.* From suicide of revolutionary to symbolic communication with the world of the dead (death in the modern Chuvash identity) // *The New Past*. 2016. № 4. P. 84–98.
4. *Çeçnĕl M.* Час // Çeçnĕl M. Çырнисен пуххи. Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 1989. С. 56.
5. Хурлăхлă вилнĕ салтаксем // Хыпар. 1918. Январĕн 1.
6. *Олейников А.* Современность несовременного // *Логос*. 2021. Т. 31, № 4. С. 1–4.
7. *Çeçnĕl M.* Иртнĕ самана // Çeçnĕl M. Çырнисен пуххи. Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 1989. С. 68–72.
8. *Çeçnĕl M.* Чухăнсеен кĕрешĕ тертĕнчи кун çути... // *Çeçnĕl M.* Çырнисен пуххи. Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 1989. С. 56.
9. *Çeçnĕl M.* Вăхăт ситĕ, вăхăт пулĕ // Çeçnĕl M. Çырнисен пуххи. Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 1989. С. 74.
10. *Кирчанов М.В.* Чувашский национализм в 1917–1920-е гг.: проблемы советизации // *Общество: философия, история, культура*. 2013. № 1. С. 40–47.
11. *Кирчанов М.В.* «Чăваш тĕнчи» как «изобретенная традиция» в поэтическом воображении чувашского модернизма и постмодернизма // *Новый филологический вестник*. 2022. № 3 (62). С. 262–278.
12. *Çeçnĕl M.* Чăваш сăмахĕ // Çeçnĕl M. Мильоном стих мой повторен. Эп пин чăваш. Фрагменты дневника и писем. Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 2012. С. 75.
13. *Kyrchanoff M.W.* Difficulties of Mental Mapping of Historical Time in the Chuvash National Identity: Cultural Continuities and Intellectual Failures // *Social Evolution & History*. 2017. Vol. 16, № 1. URL: <https://www.sociostudies.org/journal/articles/876290/>
14. *Кирчанов М.В.* Чувашский модерн начала 1920-х годов: национальная революция и футуризм // *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2013. № 2. С. 74–83.
15. *Олейников А.* Другой презентизм // *Либеральная миссия*. 2021. 2 июля. URL: <https://liberal.ru/authors-projects/drugoj-prezentizm>
16. *Çeçnĕl M.* Пурнăспа вилĕм // Çeçnĕl M. Çырнисен пуххи. Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 1989. С. 64.
17. *Осборн П.* Темпорализация как трансцендентальная эстетика: авангард, модерн, современность // *Художественный журнал*. 2016. № 98. URL: <https://moscowartmagazine.com/issue/31/article/552>
18. *Кирчанов М.В.* Концепт чăвашлăх как основа чувашского этнофутуризма // *Вестник культуры и искусств*. 2021. № 2. С. 62–70.
19. *Çeçnĕl M.* Кĕпер хывăр! // Çeçnĕl M. Çырнисен пуххи. Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 1989.
20. *Çeçnĕl M.* Пуласи // Çeçnĕl M. Çырнисен пуххи. Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 1989. С. 62.

21. *Çеçнĕл М.* Пирĕн вай // Çеçпел М. Мильоном стих мой повторен. Эп пин чăваш. Фрагменты дневника и писем. Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 2012. С. 71–72.
22. *Горин Д.Р.* Трансисторизм и новый режим темпоральности в современной исторической культуре // Концепт: философия, религия, культура. 2021. Т. 5, № 2. С. 8–20. doi: 10.24833/2541-8831-2021-2-18-8-20
23. *Kirchanov M.V.* Chuvash nationalism in trans-situation: science fiction, Chuvash futurism and dystopian identity // Problems of Social and Humanitarian Sciences. 2018. № 3. P. 140–145.
24. *Çеçнĕл М.* Экспромт // Çеçпел М. Çырнисен пуххи. Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 1989. С. 154.
25. *Çеçнĕл М.* Çĕн Кун аки // Çеçпел М. Çырнисен пуххи. Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 1989. С. 140–143.
26. *Çеçнĕл М.* Тухăр тĕтгĕмрен // Çеçпел М. Çырнисен пуххи. Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 1989. С. 76.
27. *Çеçнĕл М.* Чăваш чĕлхи // Çеçпел М. Çырнисен пуххи. Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 1989. С. 94–97.
28. *Çеçнĕл М.* Инçe синçe уйра уяр // Çеçпел М. Çырнисен пуххи. Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 1989. С. 150–153.
29. Некролог // Хыпар. 1918. Февралĕн 5.
30. *Kirchanov M.W.* Chuvash national futurum: intellectual origins and backgrounds of nationalism // Problems of Social and Humanitarian Sciences. 2018. № 2. P. 179–186.
31. *Kirchanov M.V.* Chuvash national utopia inspired by the revolution: between nationalism and communism // Problems of Social and Humanitarian Sciences. 2017. № 3. P. 41–49.
32. *Çеçнĕл М.* Чăваш ачине // Çеçпел М. Çырнисен пуххи. Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 1989.
33. *Çеçнĕл М.* Чăваш! Чăваш! // Çеçпел М. Çырнисен пуххи. Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 1989. С. 136–139.
34. *Кирчанов М.В.* Поэтическая депрессия в дискурсе чувашского модернизма начала 1920-х годов // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. № 2 (4). С. 12–20.
35. *Çеçнĕл М.* Чăн чĕрĕлнĕ! // Çеçпел М. Çырнисен пуххи. Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 1989. С. 94–97.
36. *Çеçнĕл М.* Эпĕ вилсен // Çеçпел М. Çырнисен пуххи. Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 1989. С. 110–115.
37. *Йордхайм Х.* Множественное время и стратиграфии истории // Логос. 2021. Т. 31, № 4. С. 98.
38. *Imbriano G.* The Temporality of History. Structures of the “Political” and Concept of Politics in Reinhart Koselleck. Freiburg; München : Alber, 2021. 228 p.
39. *Олейников А.* Время истории // Логос. 2021. Т. 31, № 4. С. 5–30.

40. Кирчанов М.В. «Чувакское» между «утопическим» и «фантастическим» в изобретении традиций чувашской идентичности // Российский журнал исследований национализма. 2023. № 1–2. С. 29–45.

41. Rakkar S. Time and Temporality in Historical Thinking // The Oxbridge Launchpad. 2021. April 23. URL: <https://www.oxbridgelaunchpad.com/post/time-and-temporality-in-historical-thinking>

42. Бевернаж Б. «Прошедшее прошлого»: некоторые размышления о политике историзации и кризисе истористского прошлого // Логос. 2021. Т. 31, № 4. С. 65–94.

43. Сеҫпӗл М. Хӗрлӗ тинӗсре // Сеҫпел М. Сырнисен пуххи. Шупашкар : Чӑваш кӗнеке издательстви, 1989. С. 78–81.

44. Сеҫпӗл М. Шӑршӑ каҫ йӑвӑрри // Сеҫпел М. Сырнисен пуххи. Шупашкар : Чӑваш кӗнеке издательстви, 1989. С. 110–115.

45. Сеҫпӗл М. Вӑрман ачисем // Сеҫпел М. Сырнисен пуххи. Шупашкар : Чӑваш кӗнеке издательстви, 1989. С. 204–221.

46. Олейников А. Откуда берется прошлое? (апология анахронизма) // Новое литературное обозрение. 2014. № 126. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/126_nlo_2_2014/article/10916/

47. Сеҫпӗл М. Упик // Сеҫпел М. Сырнисен пуххи. Шупашкар : Чӑваш кӗнеке издательстви, 1989. С. 254.

48. Олейников А. Стоит ли «практиковать» прошлое? // Новое литературное обозрение. 2017. № 143. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/143_nlo_1_2017/article/12378/

49. Егоров Н.Е. Основоположник чувашской советской поэзии // Ученые записки НИИ при Совете министров Чувашской АССР. 1971. Вып. 51: Основоположник чувашской советской поэзии. С. 5–11.

50. Дедушкин Н.С. Великий поэт чувашского народа // Ученые записки НИИ при Совете министров Чувашской АССР. 1971. Вып. 51: Основоположник чувашской советской поэзии. С. 12–18.

References

1. Giddens, A. (2005) *Ustroistvo obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii* [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration]. Moscow: Akademicheskii projekt.

2. Kyrchanoff, M.W. (2017) Imagining Chuvash historical time: historical continuities and intellectual failures. *Tractus Aevorum: The Evolution of Socio-Cultural and Political Spaces*. 4 (2). pp. 134–155.

3. Kyrchanoff, M.W. (2016) From suicide of revolutionary to symbolic communication with the world of the dead (death in the modern Chuvash identity). *The New Past*. 4. pp. 84–98.

4. Seҫpӗl, M. (1989) Chas [The Hour]. In: Seҫpӗl, M. *Syrnisen pukhkhii* [Collected Works]. Shupashkar: Chavash keneke izdatel'stvi. p. 56. (In Chuvash).

5. *Khypar*. (1918) Khurlakhlă vilnĕ saltaksem [The Unfortunate Deceased Soldiers]. January 1. (In Chuvash).
6. Oleinikov, A. (2021) Sovremennost' nesovremennogo [The Contemporaneity of the Non-Contemporary]. *Logos*. 31 (4). pp. 1–4.
7. Śěspĕl, M. (1989) Irtnĕ samana [Bygone Era]. In: Śěspĕl, M. *Syrnisen pukhkhi* [Collected Works]. Shupashkar: Chavash keneke izdatel'stvi. pp. 68–72. (In Chuvash).
8. Śěspĕl, M. (1989) Chukhânseien kĕreshĕ tertĕnchi kun sutĭ... [The Light of Day in the Fierce Battle of the Poor...]. In: Śěspĕl, M. *Syrnisen pukhkhi* [Collected Works]. Shupashkar: Chavash keneke izdatel'stvi. p. 56. (In Chuvash).
9. Śěspĕl, M. (1989) Văkhăt ĉitĕ, văkhăt pulĕ [The Time Has Come, Let It Be Time]. In: Śěspĕl, M. *Syrnisen pukhkhi* [Collected Works]. Shupashkar: Chavash keneke izdatel'stvi. p. 74. (In Chuvash).
10. Kirchanov, M.V. (2013) Chuvashskiy natsionalizm v 1917–1920-e gg.: problemy sovetsizatsii [Chuvash Nationalism in 1917–1920s: Problems of Sovietization]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 1. pp. 40–47.
11. Kirchanov, M.V. (2022) "Chăvash tĕnchi" kak "izobretnaya traditsiya" v poeticheskom voobrazhenii chuvashskogo modernizma i postmodernizma ["Chuvash World" as an "Invented Tradition" in the Poetic Imagination of Chuvash Modernism and Postmodernism]. *Novyy filologicheskiy vestnik*. 3 (62). pp. 262–278.
12. Śěspĕl, M. (2012) Chăvash sâmakhĕ [The Chuvash Word]. In: Śěspĕl, M. *Mil'onom stikh moi povtoren. Ep pin chăvash. Fragmenty dnevnika i pisem* [My Verse is Repeated a Million Times. I am One of a Million Chuvash. Fragments of a Diary and Letters]. Shupashkar: Chavash keneke izdatel'stvi. p. 75. (In Chuvash).
13. Kyrchanoff, M.W. (2017) Difficulties of Mental Mapping of Historical Time in the Chuvash National Identity: Cultural Continuities and Intellectual Failures. *Social Evolution & History*. 16 (1). [Online] Available from: <https://www.sociostudies.org/journal/articles/876290/> (Accessed: 26.06.2024).
14. Kirchanov, M.V. (2013) Chuvashskiy modern nachala 1920-kh godov: natsional'naya revolyutsiya i futurizm [Chuvash Modern of the Early 1920s: National Revolution and Futurism]. *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 2. pp. 74–83.
15. Oleinikov, A. (2021) Drugoy prezentizm [Another Presentism]. *Liberal'naya missiya*. July 2. [Online] Available from: <https://liberal.ru/authors-projects/drugoj-prezentizm> (Accessed: 26.06.2024).
16. Śěspĕl, M. (1989) Purnăĉpa vilĕm [Life and Death]. In: Śěspĕl, M. *Syrnisen pukhkhi* [Collected Works]. Shupashkar: Chavash keneke izdatel'stvi. p. 64. (In Chuvash).
17. Osborn, P. (2016) Temporalizatsiya kak transtsendentnaya estetika: avangard, modern, sovremennost' [Temporalization as Transcendental Aesthetics: Avant-Garde, Modern, Contemporaneity]. *Khudozhestvennyi zhurnal*. 98. [Online] Available from: <https://moscowartmagazine.com/issue/31/article/552> (Accessed: 26.06.2024).

18. Kirchanov, M.V. (2021) Kontsept chăvashlăkh kak osnova chuvashskogo etnofuturizma [The Concept "Chuvashness" as the Basis of Chuvash Ethno-Futurism]. *Vestnik kul'tury i iskusstv.* 2. pp. 62–70.
19. Šešpěl, M. (1989) Köper khivăr! [Build a Bridge!]. In: Šešpěl, M. *Syrnisen pukhkhi* [Collected Works]. Shupashkar: Chavash keneke izdatel'stvi. pp. 166–169. (In Chuvash).
20. Šešpěl, M. (1989) Pulassi [The Future]. In: Šešpěl, M. *Syrnisen pukhkhi* [Collected Works]. Shupashkar: Chavash keneke izdatel'stvi. p. 62. (In Chuvash).
21. Šešpěl, M. (2012) Pirën vâi [Our Strength]. In: Šešpěl, M. *Mil'onom stikh moi povtoren. Ep pin chăvash. Fragmenty dnevnika i pisem* [My Verse is Repeated a Million Times. I am One of a Million Chuvash. Fragments of a Diary and Letters]. Shupashkar: Chavash keneke izdatel'stvi. pp. 71–72. (In Chuvash).
22. Gorin, D.R. (2021) Transistorizm i novyy rezhim temporal'nosti v sovremennoy istoricheskoy kul'ture [Transhistorism and the New Regime of Temporality in Contemporary Historical Culture]. *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura.* 5 (2). pp. 8–20. doi: 10.24833/2541-8831-2021-2-18-8-20.
23. Kirchanov, M.V. (2018) Chuvash nationalism in trans-situation: science fiction, Chuvash futurism and dystopian identity. *Problems of Social and Humanitarian Sciences.* 3. pp. 140–145.
24. Šešpěl, M. (1989) Eksprompt [Impromptu]. In: Šešpěl, M. *Syrnisen pukhkhi* [Collected Works]. Shupashkar: Chavash keneke izdatel'stvi. p. 154. (In Chuvash).
25. Šešpěl, M. (1989) Çën Kun aki [The Plough of the New Day]. In: Šešpěl, M. *Syrnisen pukhkhi* [Collected Works]. Shupashkar: Chavash keneke izdatel'stvi. pp. 140–143. (In Chuvash).
26. Šešpěl, M. (1989) Tukhăr têtëmren [From the Dark Depths]. In: Šešpěl, M. *Syrnisen pukhkhi* [Collected Works]. Shupashkar: Chavash keneke izdatel'stvi. p. 76. (In Chuvash).
27. Šešpěl, M. (1989) Chăvash chělkhi [The Chuvash Language]. In: Šešpěl, M. *Syrnisen pukhkhi* [Collected Works]. Shupashkar: Chavash keneke izdatel'stvi. pp. 94–97. (In Chuvash).
28. Šešpěl, M. (1989) Inçe çinçe uira uiar [Far, Far Away the Meadow Glows]. In: Šešpěl, M. *Syrnisen pukhkhi* [Collected Works]. Shupashkar: Chavash keneke izdatel'stvi. pp. 150–153. (In Chuvash).
29. Nekrolog [Obituary] (1918) *Khypar.* February 5. (In Chuvash).
30. Kirchanov, M.W. (2018) Chuvash national futurum: intellectual origins and backgrounds of nationalism. *Problems of Social and Humanitarian Sciences.* 2. pp. 179–186.
31. Kirchanov, M.V. (2017) Chuvash national utopia inspired by the revolution: between nationalism and communism. *Problems of Social and Humanitarian Sciences.* 3. pp. 41–49.
32. Šešpěl, M. (1989) Chăvash achine [To a Chuvash Child]. In: Šešpěl, M. *Syrnisen pukhkhi* [Collected Works]. Shupashkar: Chavash keneke izdatel'stvi. p. 98. (In Chuvash).

33. Šešpěl, M. (1989) Chāvash! Chāvash! [Chuvash! Chuvash!]. In: Šešpěl, M. *Syrnisen pukhkhi* [Collected Works]. Shupashkar: Chavash keneke izdatel'stvi. pp. 136–139. (In Chuvash).
34. Kirchanov, M.V. (2014) Poeticheskaya depressiya v diskurse chuvashskogo modernizma nachala 1920-kh godov [Poetic Depression in the Discourse of Chuvash Modernism of the Early 1920s]. *Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 2 (4). pp. 12–20.
35. Šešpěl, M. (1989) Chăn chërëlně! [Truly Revived!]. In: Šešpěl, M. *Syrnisen pukhkhi* [Collected Works]. Shupashkar: Chavash keneke izdatel'stvi. pp. 94–97. (In Chuvash).
36. Šešpěl, M. (1989) Epě vilsen [When I Die]. In: Šešpěl, M. *Syrnisen pukhkhi* [Collected Works]. Shupashkar: Chavash keneke izdatel'stvi. pp. 110–115. (In Chuvash).
37. Iordkheim, Kh. (2021) Mnozhestvennoe vremya i stratigrafii istorii [Multiple Time and the Stratigraphies of History]. *Logos*. 31 (4). p. 98.
38. Imbriano, G. (2021) *The Temporality of History. Structures of the "Political" and Concept of Politics in Reinhart Koselleck*. Freiburg; München: Alber.
39. Oleinikov, A. (2021) Vremya istorii [The Time of History]. *Logos*. 31 (4). pp. 5–30.
40. Kirchanov, M.V. (2023) "Chuvashskoe" mezhdu "utopicheskim" i "fantasticheskim" v izobretenii traditsii chuvashskoy identichnosti ["The Chuvash" Between the "Utopian" and the "Fantastic" in the Invention of Chuvash Identity Traditions]. *Rossiiskii zhurnal issledovaniia natsionalizma*. 1-2. pp. 29–45.
41. Rakkar, S. (2021) Time and Temporality in Historical Thinking. *The Oxbridge Launchpad*. April 23. [Online] Available from: <https://www.oxbridgelaunchpad.com/post/time-and-temporality-in-historical-thinking> (Accessed: 26.06.2024).
42. Bevernazh, B. (2021) "Proshedshest' proshlogo": nekotorye razmyshleniya o politike istorizatsii i krizise istoristskogo proshlogo ["The Pastness of the Past": Some Reflections on the Politics of Historicization and the Crisis of the Historicist Past]. *Logos*. 31 (4). pp. 65–94.
43. Šešpěl, M. (1989) Khërlë tinësre [In the Red Sea]. In: Šešpěl, M. *Syrnisen pukhkhi* [Collected Works]. Shupashkar: Chavash keneke izdatel'stvi. pp. 78–81. (In Chuvash).
44. Šešpěl, M. (1989) Shārshlā kaç ävärri [The Burden of a Sultry Night]. In: Šešpěl, M. *Syrnisen pukhkhi* [Collected Works]. Shupashkar: Chavash keneke izdatel'stvi. pp. 110–115. (In Chuvash).
45. Šešpěl, M. (1989) Värman achisem [Children of the Forest]. In: Šešpěl, M. *Syrnisen pukhkhi* [Collected Works]. Shupashkar: Chavash keneke izdatel'stvi. pp. 204–221. (In Chuvash).
46. Oleinikov, A. (2014) Otkuda beretsya proshloe? (apologiya anakhronizma) [Where Does the Past Come From? (An Apology for Anachronism)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 126. [Online] Available from: <https://www.nlobooks.ru/>

magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/126_nlo_2_2014/article/10916/ (Accessed: 26.06.2024).

47. Šešpěl, M. (1989) Upik [The Spider]. In: Šešpěl, M. *Syrnisen pukhkhi* [Collected Works]. Shupashkar: Chavash keneke izdatel'stvi. p. 254. (In Chuvash).

48. Oleinikov, A. (2017) Stoit li "praktikovat" proshloe? [Is It Worth "Practicing" the Past?]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 143. [Online] Available from: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/143_nlo_1_2017/article/12378/ (Accessed: 26.06.2024).

49. Egorov, N.E. (1971) Osnovopolozhnik chuvashskoi sovetskoi poezii [The Founder of Chuvash Soviet Poetry]. *Uchenye zapiski NII pri Sovete ministrov Chuvashskoy ASSR*. 51: Osnovopolozhnik chuvashskoi sovetskoi poezii. pp. 5–11.

50. Dedushkin, N.S. (1971) Velikiy poet chuvashskogo naroda [The Great Poet of the Chuvash People]. *Uchenye zapiski NII pri Sovete ministrov Chuvashskoy ASSR*. 51. pp. 12–18.

Информация об авторе:

Кирчанов М.В. – д-р ист. наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия). E-mail: maksym_kyrchanoff@hotmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.V. Kyrchanoff, Dr. Sci. (History), associate professor, Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation). E-mail: maksym_kyrchanoff@hotmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 8.06.2025.

The article was accepted for publication 8.06.2025.